

Чу Лань последовал за здоровяком в богато убранную комнату. Тот бросил Дин Шэну:

— Подожди здесь, я позову Хуа-нян.

Дин Шэн, подобострастно кланяясь и потирая руки, расплылся в улыбке:

— Премного благодарен.

Как только здоровяк вышел, Чу Лань вполголоса спросил:

— Брат Дин, мы разве не людей из школы Тяньчжао должны встретить? Кто такая эта Хуа-нян?

— Хуа-нян и есть человек из Тяньчжао, — отмахнулся Дин Шэн. — Да замолчи ты уже, просто жди.

Чу Лань послушно умолк. Дин Шэн бесцеремонно уселся на стул у стола и махнул ему рукой:

— Чего столбом застыл? Садись.

Чу Лань посмотрел на изящную, обитую дорогой тканью мебель, затем на свою грязную, заляпанную маслом одежду и сесть не решился. Он наблюдал за Дин Шэном, который вертел в руках чашку с таким невозмутимым видом, будто находился здесь далеко не в первый раз.

— Брат Дин, — не выдержал Чу Лань, — ты часто здесь бываешь?

Дин Шэн замер. Он неловко усмехнулся:

— С-чего бы это? Я тут впервые.

— Но хозяйка сказала, что ты уже встречался с людьми из Тяньчжао. Неужели не здесь? — нахмурился юноша.

Дин Шэн замялся, подыскивая слова:

— Ну, это... видишь ли...

Дверь распахнулась, и в комнату вошла женщина в фиолетовых одеждах. Она была ослепительно красива, а в её движениях сквозила манящая грация. Тот самый здоровяк следовал за ней тенью.

Дин Шэн тут же вскочил. По его реакции Чу Лань понял: это и есть Хуа-нян. Та самая «представительница школы Тяньчжао».

Чу Лань затаил дыхание, не сводя с неё глаз. Женщина бегло осмотрела комнату и направилась напрямик к нему. Юноша инстинктивно сжал висящий на шее нефритовый жетон и, набрав в грудь воздуха, поднял голову. Их взгляды встретились.

В её глазах, холодных и изучающих, не было ничего человеческого — так смотрят не на живое существо, а на товар. От этого взгляда по спине Чу Ланя пробежал неприятный холодок, а все заготовленные слова застряли в горле.

Пока он колебался, Хуа-нян повернулась к Дин Шэну:

— Неплохо. В этот раз товар куда лучше прежнего. — Она бросила здоровяку у двери: — Отдай ему деньги.

Чу Лань стоял как громом поражённый. Дин Шэн с жадностью выхватил кошель, заглянул внутрь и недовольно проворчал:

— Мы же договаривались — за высший сорт сто лянов. Почему здесь меньше?

Хуа-нян едва удостоила его ледяным взглядом:

— Не нравится — оставь деньги и проваливай.

Дин Шэн тут же сбавил тон и спрятал кошель за пазуху:

— Да нет, я так, к слову... Если больше ничего не нужно, я пойду.

— Брат Дин... что всё это значит? — голос Чу Ланя сорвался, в нём засквозила дрожь.

Он не был глуп. Из их разговора стало ясно: Дин Шэн лгал ему с самого начала. И этот взгляд Хуа-нян, и деньги... Его просто продали.

Но за что? Он не сделал Дин Шэну ничего дурного. Напротив, помогал ему в лавке, выполнял за него работу, чтобы хозяйка не вычла из его жалованья. Почему он так поступил?

Дин Шэн не смел поднять глаз, уставившись в одну точку на полу.

— Да чего тут спрашивать, — буркнул он с напускным безразличием. — Мне нужны деньги, а ты подвернулся под руку. Дурак, вот и поверил.

Чу Лань побледнел, он задрожал. Он не мог поверить, что всё случилось по такой ничтожной причине. Глубоко вдохнув, он рванулся к выходу, но Хуа-нян мертвой хваткой вцепилась ему в плечо.

— Отпустите меня! — закричал он.

Чу Лань не знал, зачем им понадобился, но люди, торгующие живым товаром, явно не замыслили ничего доброго. Он начал отчаянно вырываться, но женщина лишь взмахнула рукой — и из её запястья вылетела тонкая нить, мгновенно опутавшая его по рукам и ногам.

Видя её холодное, бесстрастное лицо, Чу Лань похолодел от ужаса. Она не была обычным человеком. Но кто она — представительница Бессмертной горы или демоница?

Дин Шэн, всё ещё стоявший у двери, негромко обронил:

— Хочешь жить — лучше не рыпайся и делай, что велят.

Чу Лань, боровшийся с путами, поднял на него взгляд, полный ледяного презрения, но промолчал, продолжая попытки освободиться.

В этот момент в комнату поспешно вошла девушка в розовом платье. Она что-то прошептала Хуа-нян на ухо, и до Чу Ланя долетели обрывки фраз:

—...скоро начало, товара не хватает.

Хуа-нян мазнула взглядом по юноше:

— Теперь всё.

— Нет, — засуетилась девушка, — вместе с ним всё равно одного недостаёт. Что же делать? Если мы не справимся... — она вдруг вздрогнула, и мертвенно побледнела.

Хуа-нян нахмурилась, о чём-то раздумывая. Спустя мгновение она повернула голову и посмотрела на Дин Шэна, который по какой-то причине всё ещё медлил у двери. Женщина вдруг тонко улыбнулась:

— С ним как раз будет полный комплект.

Дин Шэн изменился в лице и бросился наутёк, но здоровяк на входе перехватил его и с силой впечатал в пол.

— Вот и славно, — заключила Хуа-нян. — Уводите их, пора готовить. Не хватало ещё опоздать.

— Слушаюсь, — отозвалась девушка в розовом.

Здоровяк взвалил Чу Ланя на плечо и отнёс в просторную залу на первом этаже. Тот увидел, что комната в несколько раз больше прежней и буквально забита детьми. Мальчики и девочки, самому младшему на вид лет пять, старшему — не больше тринадцати. У всех бледные лица и опухшие от слёз глаза. При виде надсмотрщиков они в ужасе забились в угол, дрожа всем телом.

Чу Ланя швырнули на пол, следом притащили Дин Шэна. Юноша заметил, как несколько ребят при виде него вспыхнули лютой ненавистью. Сомнений не осталось: их он заманил в «Башню Весеннего Ветра» так же, как и его.

Девушка в розовом окинула всех взглядом:

— Раз все в сборе — начинаем. Эй!

По её сигналу в залу вошли слуги. Они выстроились в два ряда и замерли в ожидании приказов.

— Уведите их. Пусть умоются и приведут себя в порядок.

Слуги начали разбирать детей по одному. Чу Лань заметил в комнате две потайные двери. Девочек увели в одну, мальчиков, включая его самого, — в другую.

За дверью обнаружилась купальня. Девять бадей с водой стояли в ряд, воздух был тяжёлым от пара. Слуги велели им раздеваться. Те, кто провёл здесь больше времени, видимо, уже знали цену непослушанию, и, несмотря на страх, начали молча стягивать одежду.

Чу Лань стоял неподвижно. Когда слуга подошёл, чтобы помочь ему, юноша резко оттолкнул его руку:

— Не трогай меня!

В комнате воцарилась гробовая тишина. Дети уставились на Чу Ланя: кто-то с испугом, кто-то с сочувствием, а кто-то из них тихо всхлипнул. Юноша понимал, что сопротивление бесполезно, но не мог иначе. Нефритовый жетон — единственное, что осталось от Лю Си, — он не отдаст ни за что на свете. Школа Тяньчжао больше не имела значения, он обязан был сберечь память о наставнике.

Сжав жетон в кулаке, Чу Лань стиснул зубы и рванулся к выходу. Но чьи-то ледяные руки обхватили его за талию. Юноша вздрогнул и со всей силы укусил незнакомца за руку. В нос ударил тонкий, едва уловимый аромат холодной свежести. Чу Лань замер. Он поднял голову и увидел лицо своего наставника. Лю Си.

Вернее, тот, кто занял его тело, всё-таки нашёл его.

Пока Чу Лань пребывал в оцепенении, Дуань Ли в несколько движений стянул с него одежду и, подхватив под пояс, опустил в бадью. Оказавшись в горячей воде, юноша пришёл в себя. Он хотел было обернуться, но Дуань Ли положил ладонь ему на затылок, удерживая на месте. В голове прозвучал голос:

"Не оборачивайся. Нас раскроют".

Голос не был похож на голос Лю Си — низкий, бархатистый, с едва заметной лукавой усмешкой. От него по коже пробежали мурашки. Чу Лань взял себя в руки: вокруг было слишком много людей, любая оплошность могла стать роковой.

Он сидел в воде, не шевелясь, а в голове роились мысли. Как он его нашёл? Пришёл спасти или наказать за побег?

Раздумья прервал ушат горячей воды, вылитый прямо на голову. Затем Дуань Ли вмазал что-то в его волосы и принялся неистово тереть.

Это была сущая пытка. Он действовал бесцеремонно, едва не сдирая кожу с головы. Чу Лань терпел, боясь выдать себя ни единым звуком. Все его страхи на миг отступили перед этой нелепой экзекуцией.

Когда с головой было покончено, Дуань Ли принялся за его спину. Чу Лань не успел перевести дух, как почувствовал грубое движение мочалки. Спину обожгло острой болью. Он попытался уклониться, поскользнулся и с головой ушёл под воду.

Дуань Ли в это время краем глаза подсматривал за другими слугами, пытаясь понять, как правильно тереть спины, и не сразу заметил, что «подопечный» исчез. Спohватившись, он увидел, как Чу Лань выныривает, хватаясь за края бадьи и заходясь в кашле.

Дуань Ли бросил взгляд на его спину. На бледной коже красовался яркий алый след — результат его стараний. Он моргнул, запоздало осознав, что, кажется, немного переборщил с силой.

Когда мытьё наконец закончилось, Чу Лань выбрался из бадьи с чувством огромного

облегчения. Он быстро натянул чистые одежды. Дуань Ли подошёл с полотенцем, явно намереваясь высушить ему волосы. Вспомнив, как тот едва не оставил его лысым, юноша поспешно перехватил полотенце и принялся вытираться сам.

Закончив, он поднял глаза и увидел, что Дуань Ли стоит перед ним, а тот так и светится от радости.

Чу Лань замер, услышав в голове голос:

"Ученик, наставник впервые в жизни снизошёл до того, чтобы помыть кого-то. Ну как ощущения?"

Чу Лань промолчал. Ощущения были незабываемыми.

Слуги начали завязывать детям глаза чёрными лентами. Дуань Ли, не отставая от других, тоже взял полоску ткани. Чу Лань молча смотрел на него. Тот подмигнул ему, улыбнулся и лишил его зрения, затянув узел на затылке.

Когда ледяные пальцы коснулись его щеки, Чу Лань невольно вздрогнул. И снова в сознании раздался тот же ленивый, уверенный тон:

"Не бойся. Пока я здесь, никто не посмеет причинить тебе вред".

Юноша лишь плотно сжал губы.

В темноте слух обострился до предела. Чу Лань услышал, как открылась дверь. Послышался сухой женский голос:

— Пора начинать. Ведите их.

Он узнал этот голос — Хуа-нян.

Чу Лань чувствовал, как чья-то холодная рука сжала его ладонь, увлекая за собой. Он покорно пошёл вперёд. Рядом слышался приглушённый стук зубов — кто-то из детей дрожал от невыносимого ужаса. Трудно было представить, через что они прошли, раз стали такими послушными.

Внезапно шествие остановилось. Чу Лань инстинктивно повернул голову в сторону Дуань Ли, хоть и ничего не видел за плотной тканью.

— Хуа-нян, Хуа-нян, умоляю, отпусти меня! — раздался сдавленный, полный отчаяния голос. Это был Дин Шэн.

В его крике слышался смертный ужас.

— Прошу, пощади! У меня есть неоконченные дела, я не могу... не могу умереть! Хуа-нян, я... я верну тебе все деньги, только отпусти!

Послышался шорох одежды — должно быть, он бросился ей в ноги.

— К чему эти разговоры о смерти? — раздался холодный голос женщины. — Если приглянёшься господину, тебя ждёт жизнь в неге и богатстве. Да я сама тогда буду тебе в ноги кланяться.

Затем её тон стал стальным:

— Оттащите его.

Дин Шэн зашёлся в истерическом крике:

— Молю, отпустите меня! Пожалуйста!

Хуа-нян явно теряла терпение:

— Быстрее. И осторожнее, не попортите шкуру.

Дин Шэн брыкался и орал так неистово, что надсмотрщики едва справлялись. Хуа-нян раздражённо цокнула языком, и в следующую секунду крики резко оборвались. В комнате воцарилась мертвая тишина.

— Так-то лучше. Умойте его и переоденьте заново. Живо.

Процессия двинулась дальше. До ушей Чу Ланя донеслись тихие, едва сдерживаемые всхлипы. Он нахмурился, чувствуя, как ледяные пальцы Дуань Ли крепче сжимают его ладонь.